

М-89

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

V

Н. В. ИСАЧЕНКО

РАБОТА НАД ТКАНЯМИ, ПОСТРАДАВШИМИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ВО ВРЕМЯ
НАВОДНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ
ЛЕНИНГРАД

1926

М-89

С. П. Григорова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

V

Н. В. ИСАЧЕНКО

РАБОТА НАД ТКАНЯМИ, ПОСТРАДАВШИМИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ВО ВРЕМЯ
НАВОДНЕНИЯ

Российский фонд культурного
и природного наследия
библиотека

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

1926

23 ОКТ 2009

ПРОВЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 3355

БИБЛИОТЕКА
ЗНМ
Инв. № 1774

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея.

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

Сентябрь, 1926 г.

Ленинградский Гублит № 19704 Тираж 1000 экз.

Гос. тип. им. Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11.

Н. В. ИСАЧЕНКО

РАБОТА НАД ТКАНЯМИ, ПОСТРАДАВШИМИ В ЭТНОГРА-
ФИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ.

До 1924 года все коллекции Этнографического Отдела, не помещенные на постоянную выставку и составляющие его научный резерв, хранились в обширных подвалах Отдела, специально приспособленных для этой цели. Во время наводнения вода, наполнившая выемку для фундамента недостроенной части здания, подняла сложенные здесь дрова, вышибла ими ворота в кочегарку центрального отопления, и отсюда бурный поток пронесся через все подвалы, ломая в некоторых местах полки и сдвигая тяжелые шкафы. Когда вода была удалена, подвалы представляли картину полного разгрома. Все вещи были перепутаны, сброшены со своих мест, много керамики и стекла побито, все ткани промочены и загрязнены.

Приведение в порядок коллекций и резерва в целом потребовало много труда, времени и денег. На существовавшие и вновь организованные мастерские Отдела легла работа исключительной важности и трудности. Мастерские не были подготовлены к такой массовой и спешной работе; не было достаточного личного состава, подходящего помещения, необходимых приспособлений и, главное, денежных средств.

Нам кажется, что эти обстоятельства не уменьшают, а, пожалуй, увеличивают интерес сделанной нашими мастерскими работы: ведь, это то самое положение, в котором находятся все музеи, крайне стесненные материально. И, быть может, в предлагаемой статье Н. В. Исаченко самое интересное именно то, что вся огромная работа над тканями была проведена с хорошим результатом при применении лишь самых простых и общедоступных средств и приемов, не пользуясь дорогими препаратами, которые к тому же было невозможно достать даже в Ленинграде.

Статья Н. В. Исаченко отнюдь не руководство. Это только простое изложение тех приемов, которыми пользовалась мастерская по тканям в минуту спешной и массовой работы. В этой работе ни одно средство, указанное в русской или иностранной литературе, не было применено в широком масштабе, пока рядом проб не был проверен его действительный эффект. Быть может, опыт Этнографического Отдела окажется полезным при других аналогичных работах над тканями.

Б. Крыжановский.

I.

Когда вода спала, все силы были мобилизованы для извлечения вещей из залитых помещений. Сундуки вытаскивались во двор, вещи выжимались, развешивались и раскладывались, где только было возможно. При громадном количестве сундуков на это понадобилось несколько дней, и последние вещи вынимались из них совершенно теплые, что указывало на начавшийся процесс тления. Было вполне очевидным, что необходимо промыть вещи, так как даже просушенные предметы издавали зловоние и были покрыты густым слоем грязи из сточных труб.

Немедленно реставрационная мастерская Этнографического Отдела была превращена в прачешную, и началась работа по промывке вещей. Трудность работы увеличивалась теснотой и непригодностью мастерской, все оборудование которой состояло из 5 корыт, двух четырехведерных котлов и нескольких ведер. Только к концу декабря удалось получить механический каток, которым приходилось пользоваться и для отжима целого ряда тканей. Работа производилась в небольшой комнате с простой плитой, служившей и для согревания воды, и для кипячения промытых вещей, и для выводки пятен. Отремонтированная в подвале прачешная не могла быть широко использована, так как отсутствие света мешало правильной работе; ею пользовались лишь при промывке простых тканей и для отмачивания и прополаскивания вещей. Если принять во внимание громадное количество вещей (около 28 тысяч), то станет понятно, в каких условиях протекала работа.

Кроме отсутствия элементарных приспособлений, имеющих в любой современной мастерской, на ходе работ очень отразилось и отсутствие материальных средств. Кроме того, много новейших средств совершенно нельзя было получить, или же дороговизна делала их недоступными; пришлось прибегнуть к тем из давних средств и приемов, которые не могли повредить волокна ткани.

Параллельно с работой в прачешной продолжались работы на по сортировке и просушке вещей. В первую очередь отдавались в стирку вещи с признаками гниения и плесени, затем наиболее загрязненные и липкие. Первое время, конечно, не могло быть и речи о систематической работе. Лишь когда все вещи были просушены и не грозило более загнивание, можно было приступить к правильной сортировке еще не промытого материала. Отбирались более или менее однородные предметы, как-то: белые полотняные, бумажные одежды и вещи, нелиняющие вышивки и т. д.

II.

Первая категория—белых вещей—намачивалась на 12—24 часа в холодной воде. Вымачивание в холодной воде или промывание многих вещей холодной водой рекомендуется вообще для всех тканей по следующим причинам: во первых, продолжительное вымачивание, если возможно

устроить, то в проточной воде, не только размягчает грязь, но и смывает ее; во вторых, холодная вода смывает могущие попасть в грязи белковые части, которые от горячей воды образуют непроницаемую пленку и тем фиксируют грязь. Вода употреблялась простая, невская, так как она не содержит извести и других вредных примесей¹.

При промывке ценных тканей употреблялась кипяченая вода, так как не было дистиллировочного аппарата.

Намоченные таким образом ткани промывались и кипятились обычным способом. Все предметы с пятнами после промывки уже не кипятились, а откладывались в сторону для дальнейшей работы по выводке пятен. Тут опять пришлось столкнуться с вопросом сушки; наступившие холода очень затрудняли работу, приходилось вещи досушивать в устроенной к этому времени в Этнографическом Отделе сушильне.

Сложнее была работа с линючими тканями и вышивками. Если линияла полоска на полотенце или же подол рубахи, то предмет осторожно промывали, не задевая линючего места, которое под конец промывалось в холодной воде и немедленно, как линючая часть, так и широкая полоса вокруг просушивалась утюгом и сушилась в таком положении, чтобы линючая часть не затекла опять. Здесь необходимо остановиться на вопросе о глажении.

Белые вещи, предназначенные для хранения в темном помещении во возможности, вообще рекомендуется не гладить, а только сильно посинить и прокатать, так как от продолжительного лежания белые глаженные вещи желтеют. В мастерской Этнографического Отдела удавалось удалить такое пожелтение, добавляя в воду для стирки на ведро воды ложки 2 смеси спирта со скипидаром: 2 части скипидара на 3 части спирта, а иногда просто добавлением на ведро воды 2 ложек бензина и просушкой белья на свету. Разумеется, сушка на солнце давала еще лучший результат. При глажении утюг, конечно, не должен быть слишком горячим, чтобы не прижечь ткань. Неприятный блеск от утюга легко удалить влажной губкой. Но мы должны оговориться, что утюг является положительно не допустимым и вредным, когда гладят не промытые вещи так как тут происходит тот же процесс образования непроницаемых белковых пленок, как и при промывании горячей водой. К вопросу глаженья нам еще не раз придется вернуться.

Стирка цветных нелинючих тканей не представила больших затруднений. При промывке в прохладной воде не было риска их испортить. Некоторые ситцы от долгого нахождения в воде при наводнении потеряли свой блеск, но легкий вареный крахмал или же желатин (1 лист на стакан воды) придавали им прежний вид.

¹ Если вода содержит известь, ее достаточно прокипятить. Гипс удаляют кальцинированной содой или же небольшим количеством щавелевой кислоты и аммиака. Железистая вода требует более сложной очистки. Поэтому лучше брать дождевую или, если есть возможность, дистиллированную воду.

Что касается линочных тканей и вышивок, то обработка их требовала большой осторожности и внимания и индивидуального подхода к каждой вещи в отдельности. Небольшой уголок цветной вышивки или ткани опускался в теплую, горячую и мыльную воду, так как холодная вода часто не дает показаний. Если только вода окрашивалась, то каждый предмет опускался всегда в отдельности для фиксации цвета в закрепительный раствор. После закрепления, ткани промывались обычным образом. Существуют разные закрепители, но в нашей мастерской употребляли почти исключительно квасцы, усиливая раствор, смотря по степени линочности ткани. На сушку линочных вещей обращалось особое внимание, так как невнимательная сушка могла все испортить. Сильно отжимали воду из ткани или сухими полотенцами, разложив предмет на столе, или в несложных вещах, пропуская завернутую в простыню вещь между валиками механического катка. Вообще выжимание вещей, как их выжимают при обычной стирке, вредно, так как волокна ткани ломаются¹.

Отжав линочную ткань, приступали к просушке ее; это достигалось лучше всего держанием ткани в горизонтальном положении; для этого в комнате натягивали ряд веревок и на них распластывали предметы, так как и тут не было необходимых рам и приспособлений. Сушили такие вещи всегда на виду, чтобы возможно чаще просматривать их.

III.

Наладив стирку несложных вещей, приступили к наиболее трудной работе—выводке цветных пятен. Эта часть работы представляла наибольшие затруднения, так как требовала всегда индивидуального подхода, и, вследствие отсутствия химической лаборатории, приходилось делать ряд опытов.

Каждую вещь, предварительно хорошо простиранную, первым делом пробовали отмачивать в холодной воде. Некоторые синие пятна хорошо отходили от такого простого, но продолжительного отмачивания. Затем шли кипячения—простое, в мыльной воде и в щелочи. Не получив удовлетворительного результата таким путем, приходилось прибегать к работе кислотами. Трудно указать точную дозировку кислот и какие пятна какой кислотой лучше сводились. Одинаковое по силе и цвету пятно, сводилось то одной, то другой кислотой, иногда смешение кислот усиливало их действие. Способ работы применялся следующий. Предварительно смочив в воде покрашенное место, чтобы ослабить силу кислоты, опускали предмет в раствор щавелевой или лимонной кислоты (1—5% раствора). Кислота сильнее действует в горячем состоянии. При работе с кислотой требуется очень большое внимание и осторожность, чтобы не прожечь ткань. Пятно, и только одно пятно, опускалось в кислоту, после чего материя быстро и тщательно

¹ К сожалению, с выжимания пришлось начать в первый момент после извлечения вещей из воды, так как иначе стекающей водой были бы залиты полы помещений Музея.

споласкивалась в мыльной воде. Иногда эту процедуру приходилось повторять по несколько раз. Некоторые пятна сходили лишь в том случае, когда после щавелевой кислоты их опускали в соляную кислоту.

В тех случаях, когда пятна были между вышивками, вещь растягивали на кусках полотна или фланели и тонкой щеткой или томпоном ваты смачивали пятно кислотой. Подложенная подстилка впитывала излишек кислоты и не давала ей растечься. Полоскание происходило обычным образом.

На ряду с цветными пятнами пришлось очень много выводить пятен ржавчины. Очень застарелые пятна плохо выводятся, так как в таких случаях материя почти уже проедена ржавчиной, но если ткань под ржавчиной еще плотна, то пятна совершенно сходят. Для этого бралась щавелевая кислота. Процедура вывода аналогична с вышеописанной. Щавелевая кислота употреблялась нами только для белых тканей, для цветных мы брали соляную кислоту или же лимонную кислоту. Для цветных же материй употребляется иногда и кремор-тартар, но из-за кропотливости работы им редко пользовались. Ржавое пятно, смоченное водой, покрывалось тонким слоем мелко истолченного кремор-тартара и оставлялось на несколько минут, затем его протирали руками, чтобы стряхнуть порошок, и промывали в чистой воде.

Пятна плесени выводили составом мыла и поташа: нарезав на кусочки мыло, распускали его в воде, и проваривали хорошенько, пока не получалась густая масса. Этой тягучей массой намазывали пятно, посыпали сверху поташом и оставляли на несколько часов. После просушки, это место тщательно промывали и прополаскивали в холодной воде.

IV.

Шерстяные ткани, если ткань была не очень нежная, мылись в теплой мыльной воде. Мыло брали всегда марсельское. Более ценные шерсти клались на обитую клеенкой доску, смачивались теплой водой и промывались при помощи губки или тонкой щетки следующим составом: на $1\frac{1}{2}$ ведра воды—100 гр. марсельского (можно брать также яичное или вообще какое-нибудь нейтральное) мыла и 13 гр. нашатырного спирта или химически чистой соды. Шерсть прополаскивалась в теплой воде. После полоскания давали стечь воде, а при нежной ткани губкой или полотнами отжимали воду и давали ткани просохнуть в горизонтальном положении. Гладили, когда это было совершенно необходимо, шерстяные ткани всегда полусырыми, через мокрое полотно. Если ткань была слишком измята и не поддавалась просушке в натянутом виде или же утюжке, прибегали к аппретуре, однако, в очень редких случаях, когда это было совершенно необходимо. Аппретур существует много. В мастерской употреблялся пшеничный раствор: 3—4 части пшеничных отрубей отваривали в одной части воды и процеживали через кисею; затем смоченной в растворе щеткой проводили по ворсу материи, придавали предмету нужную

форму, просушивали и проглаживали через простыню, смоченную в мыльной воде ¹.

Как на полотняных вещах, так и на шерсти после наводнения было много цветных пятен, происшедших от гарусных вышивок, от цветных отделок и соседних линючих вещей. В мастерской сделали опыт пропускания через натянутую шерстяную ткань горячей воды. Пропуская кипящую воду поочередно со спиртом, а иногда—горячим спиртом, удалось достигнуть желательных результатов. Процедура эта, однако, очень медленна. В тех случаях, когда пятна находились вблизи вышивок, последние нужно было часто отжимать и сейчас же заглаживать через полотно, едва только гарус или шелк намокнут.

Вязаные шерстяные вещи мылись с марсельским мылом, нашатырным спиртом или химически чистой содой; в сбитую густую пену опускали вязаный предмет, и вороша его в пене, слегка отжимали руками, так как трением можно было повредить тонкие нити. Потом предмет клали в теплую мыльную воду и оставляли на несколько часов, после чего, прополоскав в тепловатой воде, отжимали в простынях, расправляли, осторожно вытягивали, придавая ему прежний размер. Затем, взяв за концы, скидывали его на воздухе, пока он не подсыхал. Почти просушенную вещь клали на сухую простыню и прикалывали булавками.

Обычные жировые и потные пятна на шерсти удалялись ксилолом, бензином, хлороформом и эфиром, или же смесью хлороформа, бензина эфира и спирта.

Чернильные пятна на сукне и коврах хорошо сходили от молока. На пятно наливали немного молока, дав постоять, бибулой или ватой оттягивали потемневшую жидкость до полного удаления, при чем иногда повторяли процедуру несколько раз, а затем замывали теплой водой с мылом. При очень застарелых пятнах приходилось прибегать к соляной кислоте, приблизительно до 10% раствора. Для пятен сажи употреблялся следующий состав: 2 яичных желтка вбивали в стакан горячего скипидара, натирали пятно, тампоном отжимали жидкость до тех пор, пока пятно не бледнело, и тогда уже промывали щавелевой или, при цветных тканях, соляной кислотой. Воск, стеарин, парафин, смола и вар—предварительно осторожно снимались острым ножом, а затем хлороформом или спиртом выводилось оставшееся пятно.

Очень застарелые пятна масляной краски и постного масла необходимо было сначала размягчить, для чего пятно густо смазывали свежим, не соленым, маслом и оставляли на день или два. Когда пятно совершенно становилось мягким, его заливали скипидаром и опять оставляли на продолжительное время. Тампоном ваты или ветошкой выжимали образовавшуюся густую маслянистую массу и замывали бензином ², оставшееся

¹ Кроме пшеничной аппретуры употребляют сенегальскую камедь, гумми-трагагант, белужий клей, желатин и др.

² Вместо бензина можно употреблять любое жироразрушающее вещество, причем надо помнить, что некоторыми из них, как, напр., бензолом нельзя чистить при огне, так как пары бензола легко воспламеняются.

пятно. Если бензин не вполне уничтожал пятно, то промывали его эфиром и хлороформом, после чего приступали к мытью предмета.

Мытье ковров и килимов производилось следующим образом: испробовав на уголке линючесть красок, опускали ковер в холодную воду, в такое количество воды, чтобы он свободно плавал, и время от времени ворошили его. Иногда приходилось отмачивать ковер в течение нескольких дней, конечно, меняя воду, когда она становилась грязной. Не раз вода была так темна от грязи, что являлось опасение, не начал ли ковер линять, но после внимательного просмотра всех тонов приходилось убеждаться, что это продолжает отходить грязь. Когда вода становилась совершенно чистой, тогда ковер промывался в мыльной воде и прополаскивался обычным способом. Дав стечь воде, ковер просушивали в натянутом виде или гладили через мокрую простыню. Линючие ковры предварительно закрепляли квасцами.

На 15 промытых ковров и килимов, только один килим пришлось покрыть пшеничной аппретурой.

V.

То небольшое количество шелковых тканей, которое прошло пока через мастерскую, прорабатывалось сообразно с качеством шелка или простым промыванием, при чем промывалось в кипяченой воде с раствором марсельского мыла и спирта в равном количестве или же в воду добавляли немного соды или нашатырного спирта. Для очень ветхих и нежных по тону тканей употребляли яичный желток с несколькими каплями спирта. Желток, тщательно отделенный от белка, выпущенный из мешочка, разбавлялся горячей водой, с добавлением нескольких капель спирта. Способ этот очень стар; он хорош тем, что легко снимает налипшую грязь и не действует разрушительно ни на волокно, ни на цвет ткани. Главное внимание при обработке шелка должно быть обращено на то, чтобы отнюдь не тереть шелка: при промывке на столе и в воде нужно употреблять лишь самые мягкие губки, так как сильное трение может обесцветить его. Очень въевшиеся и застарелые пыльные пятна сходили от хлороформа с яичным желтком или же со спиртом. Желток смешивают со спиртом или хлороформом, покрывают пятно, дают просохнуть, снимают ножом и тщательно промывают.

Бархат очень пострадал от наводнения: загрязненный, измятый он выглядел хуже других тканей. Загрязненные вещи сперва тщательно очищались щеткой от налипшей грязи, осторожно щеткой старались разбить ворс и дать ему однообразное направление. Очень грязные вещи после такой обработки с лицевой стороны, просто споласкивались в большом количестве тепловатой воды, если же это была сложная одежда или не очень загрязненный бархат, то промывали губкой, губкой же отжимали грязную воду. Промыв таким образом бархат, приступали к отпариванию и отделке ворса. Необорудованность мастерской и отсутствие аппа-

рата не позволяли работать сгущенным паром по лицевой стороне бархата, как теперь исключительно принято работать. Пришлось применить старинный способ отпаривания с левой стороны горячими утюгами. Если имелись подкладки, их приходилось подпаривать. Бархат натягивали на раму, а за неимением подходящей рамы прямо на руках растягивали, покрывали очень мокрыми полотнами и очень горячим утюгом пропаривали бархат, смачивая полотно до тех пор, пока не исправлялся помятый ворс. Затем просушивали и тогда уже приступали к окончательной отделке: Несколько капель миндального масла капали на лист сложенной бибулы, покрывали масло несколькими слоями бибулы и проводили жесткой щеткой по замасленной бибуле, после чего приступали к поднятию ворса в измятых местах. Приподняв таким образом каждое пятно прочищали этой же щеткой весь бархат против ворса, чтобы придать ему блеск. В большинстве случаев бархат приобретал свой прежний вид. Дело было непоправимо лишь в тех случаях, когда от долгого лежания в воде совершенно была смыта аппретура, которую очень трудно вновь придать бархату.

Белые газовые и тюлевые покрывала мылись в теплой мыльной воде (бралось марсельское мыло) с равным количеством спирта; вода сбивалась в пену и в ней покрывала осторожно перебирались руками; вода менялась два раза. Затем, погружали в очень горячую воду, которую тоже сменяли два раза. Вещи просушивались и натягивались на войлочные подстилки, покрытые чистыми полотнами. Если такая просушка не давала желаемого результата, осторожно проглаживали.

Кружева мылись обычным образом во взбитой мыльной пене и с применением обычных осторожных приемов мытья нежных тканей. После промывки кружево осторожно вытягивалось, выравнивалось, расправлялось и еще полусырое прикалывалось стальными булавками на покрытый холстом войлок. Эта часть работы над кружевами самая главная. Очень помятые кружева слегка обрабатывали аппретурой из желатина, но чаще всего достаточно было старательно вытянуть их и костяной палочкой или деревянной стекой выдавить рельеф. Большие куски кружева наворачивались, за неимением необходимых валиков, на бутылку и промывались в мыльной воде, путем перекатывания в руках бутылки, чем удавалось избегать порывов, что легко случается при подобных обработках¹.

VI.

Рыбьи кожи были вынуты из воды в самом плачевном виде: это была желатиновая масса, издававшая ужасающий запах. С трудом удалось их развесить, и сушка их была очень продолжительной. Многие кожи со-

¹ На юге Франции существует еще следующий способ мытья ценных кружев. Кружево старательно вытягивается, расправляется, складывается, зашивается в тонкий мешочек и кладется на продолжительное время, иногда на сутки, в оливковое масло; потом оно промывается во взбитой мыльной пене самым обычным образом. В остальном поступают как выше описано.

вершено истлели. Обычный способ обработки кож оказался непригодным для реставрации их. Местное население обрабатывает их следующим образом: свежеснятую шкуру мнут палками и натирают ее икрой той породы рыб, с которой снята кожа. Способ этот не мог быть применен из-за дороговизны и неимения подходящей икры. Было сделано несколько опытов, причем хороший результат дала эмульсия яичного желтка с миндальным маслом. Кожа губкой намачивалась водой, после чего с левой стороны втиралась эмульсия. Дав коже просохнуть, приступали к разминанию ее, но удавалось это очень плохо, так как кожа легко ломалась. Все же одежда из кож не шуршала более, и ее можно было легко складывать. Из-за дороговизны обработки было необходимо искать другой способ. Яичный желток был заменен мылом. Нарезанное маленькими кусочками мыло распускалось в воде, и к проваренной до густоты тягучей массе добавлялось миндальное масло. Намоченную губкой кожу натирали щеткой с левой стороны этой массой, стараясь втиранием приподнять засохший ворс изнанки. После просушки, кожу уже не разминали, а тупой стороной ножа осторожно разрыхляли ворс, как это делается при обработке птичьих шкурок. Способ этот был много дешевле, и пропитанная мылом кожа оказалась более плотной. Слишком жирная кожа промывалась спиртом. Наиболее прочной и удобной для обработки была кожа «амура», кета же была настолько нежна, что работа была необычайно трудна и наибольшее число испорченных одежд пало на кетовые.

При реставрации пергамента посчастливилось воспользоваться помощью Н. П. Лихачева, любезно предоставившего книжки Guareschi «La pergamena» и описание пожара Туринской библиотеки, где точно указана вся рецептура и постановка опытов. Там повреждения пергаментов были аналогичны нашим, так как большая часть спасенных рукописей пострадала более от воды, чем от огня.

Состояние наших пергаментов было много лучше большинства туринских, кроме того, здесь пришлось иметь дело большею частью лишь с единичными листами; имевшиеся две книги были с несклеенными листами, что очень облегчало работу. Поэтому совершенно не пришлось прибегать к влажной камере, которой Guareschi пользуется для размягчения и разъединения листов. Зато трудность реставрации наших пергаментов была в том, что почти все они были с миниатюрами, краски которых большею частью были сильно смыты и дали цветные затеки, и кроме того, покрывающий их слой грязи был очень густ и глубоко пропитал пергамент.

Испытав, линяют ли чернила, погружали лист в чистую теплую воду 25—30°, подержав несколько минут в воде и дав пергаменту намокнуть, его расправляли и, если грязь недостаточно отошла, погружали опять в чистую воду. Если же было большое количество миниатюр, то пергамент не опускался целиком в воду, но его осторожно промывали не задвывая миниатюр, затем, чтобы придать пергаменту его прежнюю мягкость, клали в воду с 1⁰/₀ или 1¹/₂⁰/₀ раствором мыла, конечно, нейтрального.

Кроме раствора мыла был испробован еще 1⁰/₀ раствор уксусно-кислого калия, давший те же результаты, почему и был предпочтен более простой способ с мылом, которым исключительно в дальнейшем и пользовались.

Промыв и расправив в воде пергамент, дав ему немного просохнуть, его в полувлажном состоянии клали между двумя толстыми стеклами, покрытыми листами бибулы. Guareschi пользовался деревянными досками. За неимением под рукой подходящих по размеру досок, пришлось заменить их толстым стеклом. Листы не вполне гладкие, еще полусырыми заглаживали едва теплым утюгом через сухое полотно; поступая согласно этому способу и в нашей мастерской были получены хорошие результаты.

Для усиления чернил Guareschi советует брать слабый раствор танина или же серного амония. Тонкой кистью проводят танином по буквам, стараясь не задеть не записанное пространство. Эта предосторожность необходима лишь при работе с танином. В нашей мастерской был сделан лишь один опыт оживления чернил, так как оказалось, что хотя письмо и сильно побледнело, но было достаточно четко и лучше гармонировало с поблекшими миниатюрами.

К категории кож относится и китайский театр. Все фигуры и декорации его вырезаны из прозрачной кожи (предполагают, что это верблюжья кожа), покрытой цветными лаками. До наводнения театр хранился переложенным листами бумаги. Размокшие в воде фигурки прилипли к бумаге, которая плотной пленкой покрыла их и с трудом отходила. Пришлось фигурку за фигуркой осторожно смачивать и пальцем скатывать налипшую с обеих сторон бумагу. Чтобы уничтожить получившийся тусклый вид предметов, пришлось их быстро протирать смоченной в чистом спирте ватой. При этом растворенный спиртом лак ложился более ровным слоем, и фигурки приобретали свой прежний вид. Работа, несложная сама по себе, требовала большой осторожности, так как некоторые головы, напр., состояли лишь из тонких контуров. После очистки, фигурки были пришиты нитками из оленьих жил к большим листам картона, покрытого пропарафиненным пергаментом.

VII.

Изложив произведенную работу по очистке предметов, необходимо остановиться на реставрации вещей. До сих пор в мастерской мало пришлось произвести чисто реставрационных работ, так как все время было поглощено более неотложной работой по очистке вещей.

Украинские килимы были починены следующим образом. Придерживаясь общих принципов Русского Музея, старались лишь закрепить грозившее разрушением место, подшивая полотно в больших дырах, и скрепляя лопнувшую основу в тех местах, где растрепавшийся уток указывал на утрату основы. Один ковер, состоявший из нескольких фрагментов, пришлось дублировать целиком, сохранив его нити основы, соединявшие отдельные фрагменты. Холсты употреблялись в большинстве случаев некра-

шенные, так как современная анилиновая окраска года через три-четыре линяет и производит неприятное впечатление. Цветными холстами пользовались лишь в тех случаях, когда в распоряжении мастерской были кустарные холсты, лежавшие уже много лет и заведомо нелиняющие ¹.

Кроме ковров, пришлось еще произвести большую работу по дублировке рыбьих кож. Многие одежды так пострадали, что без дублировки нельзя было обойтись, так как большие куски кожи совершенно истлели и выпали, между тем, как по орнаментации своей эти одежды представляли значительный интерес и их было желательно спасти. Некоторые предметы одежды целиком, другие частично были подклеены и подшиты. Для подшивки бралась простая хирургическая марля, окрашенная за неимением растительных красок, простыми анилиновыми красками в серовато-желтый цвет ².

К категории реставрации можно отнести и работу по восстановлению головных уборов, так как кроме чистки почти всем им пришлось придавать их прежнюю форму.

Большинство головных уборов—парчевые, шелковые и просто полотняные—было совершенно сплюснуто и покрыто густым слоем грязи. Трудность работы состояла в том, что проклеенные, большею частью, черной мукой, они не поддавались мытью, так как окончательно расклеивались. Пришлось прибегнуть к механической чистке тонкими щетками и влажными губками. Сняв снаружи и внутри налипшую грязь и осторожно размочив головной убор, приступали к приданию ему прежней формы утюгом через очень мокрую тряпку и в то же время к освежению ткани густым паром или же, поскольку это было возможно, смоченный головной убор натягивался на болванку и просушивался в таком виде; это удавалось лишь тогда, когда прокладка не была слишком толстой и затверделой, так как в этих случаях приходилось разбивать утюгом пологие и бугры для придания прежней формы. Придав форму, клали сушить уборы на железную решетку над плитой, чтобы сушка происходила одинаково, как внутри, так и снаружи.

Войлочные и фетровые шляпы мылись в тазах губкой или тонкой щеткой. Дав стечь воде, приступали к утюжке, так как форму можно придать только влажному фетру. Очень помятые шляпы приходилось аппретурить пшеничными отрубями.

Соломенные шляпы промывались в воде со щеткой и гладились через мокрое полотно. В случае, если солома была слишком измята, ее проклеивали гумми-трогагантом.

Труднее было с восстановлением венков из матерчатых и бумажных цветов. Щеточкой очищался цветок за цветком и расправлялся щипчи-

¹ Способ вставления недостающей основы, которым в Германии чинят ковры и гобелены, за недостатком времени не мог быть выполнен.

² Цвет этот довольно устойчивый. У нас существует образец такой марли, которая несмотря на постоянное употребление с 1910 г. не изменилась в цвете.

ками каждый лепесток и листик. Конечно, очень много пришлось подклеивать и подвивать и, отступая от строгих принципов, слегка подкрашивать цветы, так как иначе невозможно было бы добиться скольконибудь желательных результатов в смысле приближения их к прежнему состоянию.

VIII.

В период работы по ликвидации последствий наводнения была произведена также очистка тканей из раскопок экспедиции П. К. Козлова. Работа с этими тканями была особенно трудна не из-за ветхости их. Несмотря на свои 2000 лет, ткани очень хорошо сохранились и удивляют своей прочностью, но по тому состоянию, в котором они были доставлены (некоторые были в виде твердых, грязных комков). Вынутые при раскопках из жидкой тины, промытые на месте в ручье при температуре—5°, отжатые и просушенные между кострами, они имели следы подтеков, засохшего ила и ничем неисправимой измятости.

Затвердевшие комки газа опускались в большое количество кипяченой воды, где им давали размокнуть, и, когда они всплывали на поверхность, подводили под них толстое стекло, на котором уже и заканчивали дальнейшее промывание. Газ дезинфицировали чистым спиртом.

Одежда и шелковый ковер были промыты в кипяченой воде, потом разложены на столе и уже на столе бархатной губкой промыты яичным желтком, распущенным в теплой воде с несколькими каплями спирта. Затем они были прополоснуты и проглажены через влажное полотно. Прибегать к аппретуре не было найдено возможным, по причинам изложенным уже нами.

С остальными мелкими тканями поступали, как со всеми ценными шелковыми тканями, т. е. не опускали в воду, а на подстилках промывали яичным желтком и в дальнейшем поступали как было уже изложено выше, за исключением двух фрагментов, которые были прополоснуты в эфире.

1970 Н.

Цена 30 коп.